

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

ДВУЯЗЫЧНЫЙ ЮМОР ИММИГРАНТОВ: ЯЗЫКОВАЯ ИГРА И СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ (на примере смеховой культуры русскоязычных израильтян)

Мария Еленевская

Кафедра гуманитарных наук

Израильский политехнический институт (Технион)

Технион, г. Хайфа, Израиль, 32000

Двуязычный юмор иммигрантов рассматривается в статье как часть вторичной языковой социализации, важными компонентами которой являются языковая рефлексия и языковая игра, в которой сопоставляются и сталкиваются родной язык и язык принимающего общества. Осваивая новый язык, иммигранты экспериментируют с формой для создания окказиональных смыслов. Начиная с сочинения простейших межъязыковых каламбуров, малапропизмов (использования невопад слов иностранного языка) и вычленения в иноязычных словах обценной лексики родного языка, иммигранты постепенно переходят к более сложным формам юмора, в которых языковая игра является не самоцелью, а выполняет функции социальной критики и внутригрупповой солидарности. Материал, проанализированный в статье, показывает, что русский язык сохраняет символическую ценность, и двуязычный юмор используется и как предостережение против его утраты.

Ключевые слова: двуязычие, юмор, каламбур, языковая игра, языковая рефлексия, смешение кодов.

1. ВСТУПЛЕНИЕ

Несмотря на непрекращающийся интерес лингвистов к изучению разных аспектов билингвизма, работы, посвященные двуязычному юмору, встречаются относительно редко. Не является исключением и юмор иммигрантов. Причин этому несколько.

Во-первых, до недавнего времени идеалом аккультурационной модели иммигрантов во многих странах была ассимиляция (см. анализ моделей аккультурации [1]). Использование иммигрантами языка страны исхода и смешение кодов в речи рассматривались как языковая контаминация и сопротивление языковой социализации, необходимой для полноценного функционирования в обществе [2. С. 144—149].

Во-вторых, двуязычный юмор иммигрантов требует знакомства с культурными кодами страны исхода и принимающего общества, а также контекстом, в котором функционирует этот юмор.

Таким образом, исследователи, не являющиеся членами иммигрантской группы, редко берутся за такой материал.

Наконец, особенности двуязычного юмора в разных иммигрантских сообществах зависят от престижа контактных языков и наличия в группе установки на сохранение языка страны исхода. В случае если группа малочисленна, а принимающее общество не заинтересовано в многоязычии и мультикультурности, двуязычный юмор может стать лишь коротким эпизодом интеграционного процесса, что также снижает мотивацию исследователей. Вместе с тем двуязычный юмор иммигрантов представляет интерес для лингвистов и как особый вид языкового творчества, и как часть развития языковой личности, и как средство утверждения мигрантами уникальной идентичности своей группы.

2. ЯЗЫКОВАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ, ЮМОР И ЯЗЫКОВАЯ ИГРА

Прежде всего, остановимся на таком виде смеховой культуры и языкового творчества, как игра. Антропологи и психологи неоднократно отмечали, что игры с языком являются важной составляющей освоения ребенком первого языка [3. С. 82—107]. Играя, ребенок имитирует взрослых, сочиняет бессмыслицу и экспериментирует с новыми словами, проверяя границы нормы.

В последнее время усилился интерес лингвистов к языковой игре, к которой прибегают и дети, и взрослые при изучении второго языка (см. например, [4—6]). К этой группе относятся и иммигранты, независимо от того, учат ли они новый язык с преподавателем в аудитории или вынуждены становиться автодидактами, имитируя носителей языка, повторяя услышанные слова и фразы, ошибаясь, переспрашивая и интуитивно выстраивая ментальные схемы в ситуациях ежедневного общения с членами принимающего общества.

Перечисленные авторы справедливо утверждают, что непременной частью процесса овладения новым языком становится игра, в которой проверяется интуиция, ищутся связи и аналогии с первым языком и намеренно нарушаются правила.

Языковую игру можно разделить на 2 категории: игра с формой и со значением. К первой категории относится игра со звучанием слов для создания рифмы и ритма, а также аллитерация и паронимия — т.е. средства, используемые в поэзии и каламбурах. Игра с формой происходит и на грамматическом уровне, например, при образовании параллельных конструкций и экспериментах с зевгмой. Ко второй категории относится игра со значениями для образования окказиональных смыслов, что можно рассматривать как создание альтернативных миров [7; 8]. Подчеркнем, что как особый вид игры юмор также часто создает картину мира, отличную от реальности. Именно столкновение двух миров, а затем разрешение противоречий между ними вызывают разрядку и смех.

Важно отметить, что в игре всегда есть элемент радости, который позволяет снять напряжение, испытываемое любым человеком, особенно взрослым, делающим первые шаги в изучении нового языка. Это свойство игры особенно важно для иммигранта, переживающего стресс аккультурации.

3. ПОТРЕБНОСТЬ В ЮМОРЕ В ИММИГРАНТСКИХ ГРУППАХ

Многочисленные исследования психологов, лингвистов, фольклористов и социологов показывают, что юмор обладает большой ценностью в иммигрантских сообществах (см., например, [9—12]). Существует несколько причин, объясняющих это.

1. Даже добровольная миграция связана со стрессом, который возникает в результате изменения образа жизни, полной или частичной утраты привычного круга общения, а часто и понижения социального статуса. Исследования психологов и социологов показывают, что юмор помогает противостоять психологическому и социальному стрессу и способствует преодолению страхов [13. С. 1—10; 14. С. 127—139; 15. С. 117]. Обратим внимание на то, что одной из основных теорий юмора, объясняющих механизмы его воздействия на человека, является теория расслабления и облегчения [16. С. 50—51; 17. С. 38—40].

2. Иммиграция, как и любые коренные изменения в жизни, порождают чувство неопределенности, неуверенности и амбивалентности в силу отсутствия или недостаточного знания и понимания социальной структуры, этических и моральных норм и языка/языков принимающего общества. Именно в таких ситуациях юмор оказывается особенно востребованным [18. С. 147]. Отметим, что еще одна ведущая теория юмора — теория несоответствия — основывается на выявлении вербальной амбивалентности, противоречий и их разрешения. Эта теория соприкасается с взглядом на юмор как на игру, в частности языковую игру [16. С. 45—49; 19].

3. Иммиграция часто связана с конфликтами, внешними и внутренними. К внешним относится враждебность членов принимающего общества по отношению к чужакам и учащающиеся внутрисемейные и межпоколенческие конфликты. Не менее тяжело переносится и внутренний конфликт обманутых ожиданий и рефлексии по поводу правильности выбранного пути. К внутренним противоречиям может относиться и невозможность следовать прежним привязанностям и отсутствие новых. И в этом случае юмор оказывается востребованным, так как со времен Аристотеля и Платона известно, что юмор может быть средством агрессии, выражения враждебности и превосходства [16. С. 49—50].

4. Как показывают исследования психологов, несмотря на тяготы аккультурационных процессов, иммигранты постепенно адаптируются к новой среде [1. С. 207—209]. На успех адаптации влияют и психологические качества личности, и социальные факторы. Причем одним из важнейших факторов является образование общины, в которой сформированы институты, скрепляющие группу, повышающие самоуважение ее членов и помогающие взаимодействию с принимающим обществом. И здесь юмор выполняет свою позитивную функцию сплочения группы, а также способствует установлению контактов и межличностному взаимодействию [20; 21. С. 136].

Как и в других жизненных ситуациях, юмор в эмиграции выполняет разные функции, и один и тот же анекдот, карикатура или частушка может и помочь отграничить «своих» от «чужих», и разрядить напряженность, и утверждать внутригрупповые ценности, и осуществлять социальный контроль.

4. МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализируемая в статье подборка двуязычного юмора включает 300 макро- и микротекстов. Под микротекстами имеются в виду предложения, поговорки, скороговорки и антипословицы, которые могут употребляться самостоятельно, а также входить в структуру макротекстов.

Основными источниками сбора материала были израильские СМИ на русском языке (газеты, журналы, радио и телепередачи), интернет-сайты (дискуссионные форумы, блоги, социальные сети), а также этнографические дневники, в которых записаны фрагменты разговоров, тексты объявлений, рекламы и граффити. Часть текстов — авторские и принадлежат перу писателей, например, Дины Рубиной, Марка Азова, Александра Каневского, Марка Галесника, Марьяна Беленького и др.

Среди текстов, взятых из СМИ, кроме статей, написанных журналистами, много сочинений литераторов-любителей. Редакторы иммигрантских изданий поощряют творчество читателей проведением тематических конкурсов [22. С. 62]. В корпус включены также отрывки из игр израильских команд КВН, записанные со слуха во время концертов и взятые с интернет-сайтов израильских команд КВН (см., например, <http://kvnisrael.co.il>).

Особо надо отметить, что в Израиле существует ассоциация сатириков «Сатириконь», и среди ее членов — люди разных профессий. Они не получают гонораров за свое творчество. Более того, подготовленные к печати публикации они часто оплачивают сами (из интервью автора с журналистом и редактором газеты «Секрет» В. Плетинским).

Многие из авторских текстов, включая литературные пародии, после публикации в книгах и периодической печати воспроизводятся в Интернете, причем, как это часто бывает, имя автора упоминается не всегда. Наиболее популярные шутки, байки, антипословицы и т.д. перекочевывают в речь русскоязычных израильтян, что свидетельствует об их фольклоризации. Особо надо отметить, что благодаря транснациональному характеру общения в Интернете юмор русскоязычных израильтян известен и в России, и в других странах ближнего и дальнего зарубежья. Так, юмор русскоязычных израильтян можно встретить на сайте *anekdot.ru*, в социальных сетях *vkontakte.ru*, *moimir.ru* и в русском сегменте *facebook*.

5. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВ В ЮМОРЕ ИММИГРАНТОВ

Исследования двуязычного юмора предпринимались и фольклористами, и лингвистами, и антропологами. Так, в указателе сюжетов фольклорной сказки, разработанном Аарне и Томпсоном, находим три типа фольклорных сюжетов, которые основаны на неправильном истолковании слов, когда:

- 1) непонимание слов ведет к комическому результату (1698 случаев),
- 2) непонимание возникает из-за незнания иностранного языка (1699 случаев),
- 3) слова иностранного языка воспринимаются как оскорбление (1322 случая) [23].

Хотя первый из перечисленных типов необязательно связан с разными языками, а во втором и третьем типе исход не всегда комичен, многие двуязычные шутки вписываются в эту классификацию.

Интерес лингвистов к исследованию двуязычного юмора также связан с языковыми искажениями, когда комический эффект возникает на основе оппозиции языков и языковой идентификации рассказчика, с одной стороны, и членов другого языкового коллектива, который является объектом насмешки, с другой. Причем высмеиваемые искажения могут быть отражением лингвистической реальности, а могут быть фиктивными, основанными на мифических стереотипах, упрощившихся в представлении монолингвов о носителях другого языка [17. С. 181]. К ним относятся, например, попытки фонетической имитации акцента представителей разных этносов в устных анекдотах.

Помимо этого, как уже указывалось выше, лингвистов интересует языковая игра, включающая единицы разных языков. В арсенале двуязычной игры — каламбуры, основанные на межъязыковых омонимах, омофонах, квази-паронимах, дословный перевод, а также фонетические и морфологические манипуляции, приводящие к межъязыковым семантическим связям [16; 24; 3].

Лингвоантропологи анализируют контекст, в котором появляются двуязычные шутки, и социальные аспекты двуязычного юмора, в частности, его роль во внутригрупповом и межгрупповом общении, социальном контроле внутри языкового коллектива и гендерных отношениях [10; 25; 26].

Как и другие меньшинства, иммигранты часто становятся объектами насмешек членов принимающего общества из-за слабого владения языком большинства. По мнению Дэйвиса, систематически изучающего этнический юмор разных народов, и содержание, и структура этнических шуток во многом базируются на различиях в использовании языка [10. С. 50]. Чужака сразу узнают по несовершенству языка, поэтому юмористические тексты, построенные на лингвистических ошибках, — неперемнная часть этнического юмора (1).

Плохо владеющий языком иммигрант часто представляется и тугодумом, и бестолковым, поэтому эти тексты входят в разряд этнического юмора, высмеивающего глупость [27. С. 73].

Лингвистический инструментарий юмористических текстов такого типа многослоен. В них встречаются фонетические ошибки, приводящие к нелепостям или двусмысленности; использование невпазд слов иностранного языка (малапропизмы); синтаксические конструкции, перенесенные в чужой язык из родного и приводящие к абсурду; буквальный перевод слов и фразеологизмов, а также смешение регистров. В устном исполнении ко всему перечисленному часто добавляется пародирование интонации и намеренное замедление или ускорение темпа речи [10. С. 60—61].

Многие исследователи, анализирующие этнический юмор, рассматривают в качестве его основной функции осуждение и уничтожение «другого». Такого мнения придерживается, например, Раскин, который выделяет в нем оппозиции возможный/невозможный; подлинный/ненастоящий, а главное — плохой/хороший [17. С. 180].

Когда темой этнических шуток является язык, то обычно плохим, примитивным или искаженной версией родного языка рассказчика предстает чужой язык [10. С. 50—54; 28. С. 46—49].

Отрицательное отношение к чужому языку часто является одним из аспектов отрицательной оценки всего общества или группы и их культуры. Интересно, что хотя один и тот же язык может служить объектом насмешек для носителей различных языков, структурные особенности, подвергаемые осмеянию, могут варьировать в зависимости от того, что представляется смешным в данной культуре [3. С. 197—198]. Это еще раз свидетельствует о субъективном характере этнического юмора и его подтипа — двуязычного юмора.

Не отрицая значения критического аспекта этнического юмора, некоторые исследователи указывают на кажущееся противоречие: иммигранты и провоцируют этнический юмор, в основе которого языковые ошибки и ляпсусы, и одновременно являются его потребителями. В этом и самоирония, и самоанализ. Ошибки становятся частью смысла, а не бессмыслицы. Активно участвуя в языковой игре, объектом которой являются они сами, иммигранты не теряют чувства собственного достоинства, а попеременно играют то роль «своих», то чужаков [29. С. 14]. Когда же двуязычный юмор создается самими иммигрантами, это знак того, что группа пытается найти компромисс между этими, на первый взгляд, взаимоисключающими ролями (тех, кто высмеивает, и тех, кто подвергается осмеянию) и осмысливает конфликт идентичностей. Помимо этого иммигрантский двуязычный юмор позволяет увидеть, как распределяются инструментальная и символические функции между родным языком и языком принимающего общества.

Так как данное исследование двуязычного юмора иммигрантов сделано на материале русского языка, особо надо отметить, что традиция языковой шутки в русской культуре восходит к Древней Руси [30. С. 88], а двуязычные каламбуры пользовались большой популярностью и в пушкинскую эпоху, и в последующий период, вплоть до советских времен. Однако языковой пуризм советского общества, который Владимир Новиков остроумно назвал «противоестественной одноязычной диктатурой» [31], практически вывел эту разновидность юмора из обихода. В течение нескольких десятилетий двуязычный юмор сохранялся преимущественно в виде студенческих шуток, высмеивающих плохое владение иностранными языками (2).

В постсоветский период, когда в русскую речь хлынули англицизмы, вновь обрели популярность игра с экзотизмами, подгонка новых заимствований под фонетическую и морфологическую норму родного языка, а также совмещение в одном слове морфем родного и чужого языка. [32, 33. С. 114—117]. Все эти механизмы часто используются для осмеяния политических и экономических реалий постсоветской действительности. Примерами могут послужить такие пары, как «имиджмейкеры», превратившиеся в «слухмейкеры», «ваучеризация» в «волчеризацию», «мобильники» в «дебильники», «приватизаторы» в «прихватизаторы» [34. С. 99], а также такие новообразования, как «бизнесменты», «толерасты», «плагиат-гейт» и т.д. Вернувшаяся в Россию открытость к заимствованиям из других

языков стала благоприятным фоном для эмигрантских версий русского языка, так как многие русофоны, живущие в ближнем и дальнем зарубежье, являются активными потребителями российской культурной продукции (3).

6. ДВУЯЗЫЧНЫЙ ЮМОР И САМОРЕФЛЕКСИЯ

Одна из первых задач мигранта — изучение языка принимающего общества. В Израиле, где изучение иврита является не только прагматической необходимостью, но в течение многих десятилетий было основой идеологии сионизма, к новичкам, не желавшим отказываться от родного языка, отношение было крайне подозрительным (см. подробнее [35. С. 65—93]). Несмотря на то, что в последние два десятилетия под влиянием глобализации и ориентации на взаимодействие культур израильское общество проявляет большую, чем раньше, терпимость к желанию иммигрантов сохранить язык страны исхода, изучение ими иврита считается важнейшей задачей и спонсируется государством.

Овладение новым языком оказалось трудной задачей для не привыкших к многоязычию советских евреев. Тема эта нашла отражение в фольклоре иммигрантов, причем одним из главных образов, прозвучавших и в устных рассказах [36. Т. 2. С. 126—129], и в юмористических текстах, стала вынужденная немота новичков:

Последовательность

Сначала было слово. Потом — *ульпан* (иврит, языковые курсы).
[Владимир Мееров, 7—40, 2000, 16:9.]

Теперь молчу...

Мне говорили: «*Рак иврит!*» (Только иврит)
Забудь свой русский поскорей!
Учи, *оле* (репатриант)! Учись, *талмид* (ученик),
Глаголом жечь сердца людей!»

Я втайне русский повторял,
Могуч который и велик,
Вдруг кто-то с криком прибежал
И... вырвал русский мой язык.

Теперь молчу.

Иврит учу.

[Виктор Шрайман, *Балаган, Израильский юмористический журнал*, 2(11), 1993:5.]

Оба приведенных здесь текста используют смешение языковых кодов на уровне предложения. Ивритские вкрапления — из числа тех слов, которые первыми появляются в речи новичка: *ульпан* — языковые курсы, которые *оле* — репатриант, посещает как *талмид* — ученик. И на курсах, и в общественных местах, и в гостях у израильтян-старожилов иммигранта предостерегают: *рак иврит* — только иврит!

Комический эффект этих текстов достигается использованием аллюзий, причем обыденность учебной ситуации приходит в столкновение с приподнятым сти-

лем источников. В первом тексте аллюзия на первую строку Евангелия от Иоанна: — «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» — вызывает способность пользоваться языком до божественной функции. «Слово» и «ульпан» выступают как члены окказиональной оппозиции и противопоставляются по оценочному компоненту значения.

В стихотворении, пародирующем пушкинский «Пророк», находим парафраз тургеневской крылатой фразы о богатстве русского языка. Здесь также комизм возникает из-за гиперболизации и столкновения рядовой учебной ситуации с приподнятым стилем: в 1990-е гг. социальный контроль над использованием иммигрантами родного языка значительно ослабел, и пользоваться им «втайне» не было нужды. Интересно, что и в этих, и других текстах, использующих мотив немоты, наблюдается парадоксальный эффект, знакомый всем взрослым, изучающим новый язык: на первых порах обучающийся чувствует не приобретение нового, а утрату знакомого языка. Обычно реакция на такие ощущения особенно эмоциональна, когда она связана с чувством утраты родного языка в иноязычном окружении.

Одним из наиболее распространенных типов двуязычного юмора является народная этимология. Это частая причина ошибок в речи монолингвов, пытающихся найти аналогию между заимствованиями и родным языком (4). В таких случаях у говорящего нет установки на комический эффект, и, если он возникает, то объектом смеха становится не столько искаженное или неправильно употребленное слово или словосочетание, а допустивший ошибку человек. В тех случаях, когда эффект этот намеренный, он свидетельствует об обостренном чувстве языка, анализе и поиске аналогий между родным языком и чужим. Приведем несколько примеров из юмористического журнала «7—40». Авторы вычленяют ивритские слова в составе русских, и таким образом создается их переосмысление. Установка на языковую игру дается уже в самой рубрике:

Бестолковый словралик

Лодыжка — окраина Лода (*Лод* — город на юге Израиля)

Масон — налоговый инспектор (*мас* — налог)

Парвеню — кошерная обнаженка (*парве* — не мясной и не молочный продукт; термин, использующийся в сертификации кошерных продуктов питания)

[Роман Любарский, 7—40, № 46, 2002]

Другой — нееврейский приятель (*гой* — не еврей)

Запах — за мусорным баком (*пах* — в значении «жестянка» часто используется для обозначения мусорного бака или корзины).

[Вячеслав Фельдман, 7—40, № 46, 2002]

Как отмечает Майлз, ничто так не нарушает границы между языками в двуязычном обществе, как сложные слова, в которых соединены морфемы, принадлежащие разным языкам. Наряду с двумя классическими типами смешения кодов внутри предложения и за его пределами это явление встречается и на уровне слова [37. С. 243].

В приведенных примерах очевидно, что авторы двухязычной игры получают удовольствие от «видения» слов нового языка и манипулирования родным. Здесь и расщепление морфем (в слове «другой» буква «г» принадлежит и русскому, и ивритскому компонентам), и актуализация оценочных компонентов (уменьшительный суффикс в слове «лодыжка»), и столкновение регистров (снижение стиля при переводе французское «ню» в старом заимствовании «парвеню» имплицитно указывает на неуважительное отношение к диетическим законам иудаизма).

Интересно, что игра в противоположном направлении, т.е. разложение ивритских слов на ивритские и русские компоненты, в собранном материале встречается реже, но действует по той же схеме:

Сабаба (ивр.-рус.) — езда, тетка.
[Игаль Городецкий, 7—40, № 30, 2001]

Са — форма повелительного наклонения глагола «ехать»; *сабаба* — заимствовано в ивритский сленг из арабского и используется в тех же значениях, что и в языке-источнике — «клево, круто, замetano».

Хамец — не маленький хам, а квасная еда, которую он ест на Пасху.
[Словарь родных и инородных выражений, *Бесэдер* том 7, 1993] (5)

Поиск русских слов и фразеологизмов в иврите часто используется иммигрантами и как прием запоминания (6). Такая игра, в которую включены зарифмованные каламбуры-квазиомонимы с переводом, широко распространена в США среди эмигрантов из Тайланда. Причем участвуют в ней и дети, и взрослые, изучающие английский язык [3. С. 182].

По моим наблюдениям, в Израиле двухязычные стихи и песенки пишут родители, а чаще бабушки и дедушки, которые хотят не только, чтобы их внуки выучили иврит, но и сохранили русский. Прочитируем стихотворение, размещенное на сайте *RC-MIR.com*. Как и многие сайты Рунета, он служит для транснационального общения русофонов:

Как Арик учил иврит
Дана брату говорит
«Будем мы учить иврит.
Не вертись и не зевай,
а слова запоминай.
На меня смотри, сядь прямо.
«Има» — на иврите «мама».
«Ав» — отец, «ликро» — читать,
А «лакАхат» — это «взять».
Хочешь с полки книжку взять,
На иврите почитать?
Но при этом нос не надо
С упоением ковырять!
Повторяй за мной слова:
Кот — «хатУль», «рош» — голова.

Да не прыгай как блоха!
Слышал слово «*мишахА*»?
Означает то — семья:
Мама, папа, ты и я.
Я твоя сестра — «*ахОт*»,
Ты — совсем наоборот,
Ты мой брат, и значит «*ах*»
Арик тут со стула — бах!
И быстрее под кровать,
И не хочет вылезать.
Он на Дану не глядит.
Так закончился иврит.
Спать пошел он на кровать
От иврита отдыхать.
А вдогонку слышит он:
На иврите «спать» — «*лишОн*»!

[Крузис 2, добавлено 26.11.2010

URL: http://world.lib.ru/j/jarower_e_p/kakjauchilanglijskijjazyk.shtml]

О том, что это шуточное стихотворение имеет обучающую цель, свидетельствует не только то, что ударные слоги обозначены заглавными буквами гласных, но и тем, что за текстом следует глоссарий. Более того, от имени старшей сестры автор подтрунивает над ленивым мальчиком и прививает ему правила поведения, которыми не слишком злоупотребляют педагоги в израильских детских учреждениях, но которым по-прежнему привержено первое поколение иммигрантов.

Стихотворение вызвало большое количество положительных откликов. Комментаторы говорили о том, что в игровой форме новые слова хорошо запоминаются. Живущие в Израиле благодарили за то, что смогут позаимствовать стихотворение для игры с собственными внуками и просили и впредь радовать посетителей форума шуточными «учебными стихами». Были среди комментариев и стихотворные ответы, обыгрывающие те же ивритские слова, но в других контекстах.

Как и на многих сайтах, посвященных вопросам изучения языков, среди комментаторов были пользователи, проживающие в других странах и интересующиеся тем, как их соотечественники справляются с усвоением нового языка и общением с членами принимающего общества. Процитируем один такой комментарий:

Седовласый: «Привет, Кира! Просто детская прикладная учебалочка получилась! Класс!»

Ты знаешь — впервые знакомлюсь с этим языком — очень было интересно!»

Двуязычные стихотворения стали любимым жанром пародистов. Они предлагают читателям стихотворные зарисовки, в которых и подтрунивают над непонимающими иврит и предостерегают от столкновений с непривычными реалиями.

Автор приводимых ниже стихотворений сочинил целую серию, озаглавленную «Иврит головного мозга». Обращение к читателю, которым он предваряет подборку, также является пародией, в которой высмеивается имперское, а иногда и открыто презрительное отношение к ивриту некоторых иммигрантов:

Я знаю, как тебе сейчас тяжело. Мы все побывали в твоей школе.

Ведь мы не изучали других языков, поскольку ждали, что весь мир заговорит на русском. И мир заговорил. Только матом. На большее этот туповатый и упрямый мир, то ли от лени, то ли от глупости, просто не способен. Поэтому-то нам и приходится изучать иврит.

Автор сетует на моноязычие своего поколения и протестует против хлынувшей в речь обцененной лексики. Примечательно, что в начале вступления автор обращается к читателю «господин Бывший Товарищ», затем «*адони* Бывший Товарищ» (*адони*, ивр. «господин») и, наконец, «дорогой *хаверищ*» (*хавер*, ивр. «товарищ, друг»), намекая этим, что даже вопреки воле, иврит входит в речь русскоязычных израильтян. Приведем 4 стихотворения из этой серии:

Бэ-Тэявон

Приятного аппетита

Услышав восклицанье: «Батя, вон!» —
Не бойтесь, ваша плоть не будет бита,
И, к счастью, вас никто не гонит вон,
Приятного желая аппетита.

Машеу

Что-нибудь

Если в лавке вас просят: «Машу», —
Мол, возьми, два-три шекеля все же, —
Не ищите глазами Машу,
Маша стоит гораздо дороже.

Дира

Квартира

На свете много всякого добра,
Что огорчает страшно нас порою.
Коль продается дешево дира
Смотри, чтоб не была она дырою.

Дахуй

Отсроченный (например, чек),

В труде будь скромн, не психуй
(Гордыня комплекс Каина)
Иль вместо денег ты дахуй
Получишь от хозяина.

[Игорь Константинов, 7—40, № 13, 2000]

Большинство двухязычных каламбуров в таких стихотворениях принадлежат к простейшему типу. Они используют лексические единицы одного языка, фо-

нетически близкие к лексическим единицам другого языка, но различающиеся по значению [3. С. 181]. Иногда используются квазиомонимы, различающиеся лишь одной-двумя буквами или звуками: *дира* — дыра, *машеу* — Маша; иногда совпадают лишь части слов: *дахуй* -*уй. Реже встречается фразовая омонимия: *бэ-тэявон* — Батя, вон. Чем больше фонетические различия, тем больше требуется контекстуальная поддержка сопоставляемых слов.

И двуязычные каламбуры, и темы стихов, написанных разными авторами, повторяются. Так, неоднократно поднимается тема поиска приемлемого жителя, вынужденное трудоустройство на неквалифицированную работу и конфликты со старожилками, не брезгующими нажать на неопытности новичков. Особо отметим также популярность квазиомонимов, в которых угадывается русская обценная лексика. Причем это все тот же небольшой набор слов, встречающихся и в анекдотах в Интернете, и в анекдотах о себе, посвященных использованию языка [36. Т. 2. С. 151—153]. Приведем еще один пример, в котором социальная критика выражается с помощью двуязычного каламбура, основанного на актуализации обценного слова:

В ульпане

«Права» — как это слово будет
на иврите? —

Вопрос учителю в ульпане
задает

Оле хадаш. Услышал: «Извините,
Права для вас в Израиле —
«зхуёт»!

[Роман Межберг, 7—40, № 27, 2001]

Структурно-смысловые особенности этого короткого стихотворения сближают его с анекдотом. Обозначен контекст ситуации, поставлена задача, и есть ее нестандартное решение [28. С. 27]. Если первое ивритское вкрапление, *оле хадаш* («новый репатриант»), используется в основном для сохранения размера, второе, являющееся его пуантой, несет главный смысл, что подчеркивается графически кавычками. Звучание ивритского существительного *зхуёт* («права») имеет для русофонов четкие ассоциации с обценным словом, а потому в данном контексте возникает окказиональный смысл, противоположный узуальному, — отсутствие прав. В иммигрантском сообществе часто сетуют на свое бесправное положение, и именно такой «перевод» подсказывает автор.

Непереведенная обценная лексика, двойной смысл которой непонятен монологичному, вызывает особое удовольствие и чувство превосходства у билингов [38. С. 88]. М. Эпт отмечает, что человек становится «истинным билингом», когда иностранный язык для него интернализирован настолько, что он перестает стесняться использования слов, фонетически схожих с обценной лексикой родного языка [3. С. 182]. Мои наблюдения показывают, что у русофонов игра на этих ассоциациях — излюбленный прием создания комических текстов на разных этапах освоения нового языка, независимо от того, привозят ли двусмысленные

слова и выражения туристы, побывавшие за рубежом, или они появляются в иммигрантских сообществах [39. С. 148—149]. Во многих подборках юмора в Рунете встречаются списки слов и выражений на разных языках, созвучных с обценной лексикой русского языка. В моих этнографических дневниках много записей фрагментов разговоров, в которых двухязычные двусмысленности употребляются в контексте с расчетом на то, чтобы рассмешить собеседника.

Из разговора двух подруг: «День рождения замотать решила или хоть *дахуйным* порадуешь?» (иврит, «отсроченным»).

Собеседники обсуждают пожар, случившийся во время осеннего праздника Суккот, когда религиозные евреи отдают дань традиции, ужиная в шалашах (*суккот*), построенных возле дома: «Опять от этих *сукк* одни неприятности!».

Пенсионеры сетуют на то, что приходится много ходить по врачам и ждать в очередях: «Вчера два часа проторчал у своей семейной. Одно слово *капут холим!* (парафраз ивритского *купат холим*), поликлиника).

Представляется, что стеснение или бравада здесь являются личностными или гендерными факторами, а также зависят от лингвокультурных традиций языкового коллектива. Крепкое словцо часто используется в русской речи разных классов и неотделимо от этнического и политического юмора.

Как указывалось в предыдущем разделе, этнический юмор, темой которого является язык, часто сопоставляет языки и речь по принципу плохой/хороший. Более детально это можно представить в виде следующих оппозиций: богатый/бедный, благозвучный/некрасивый, уместный/неуместный; правильный/искаженный. Чаще всего положительная оценка при этом дается родному, а в некоторых случаях и второму или «унаследованному» (7) языку.

Для многих представителей старшего поколения евреев из стран СНГ «унаследованным» языком является идиш. Как показало исследование личных рассказов иммигрантов, ему придают большую символическую ценность [36. Т. 2. С. 129—135]. Именно поэтому в юмористических текстах иммигранты высказывают критическое отношение к забвению корней и низкому статусу идиша в еврейском государстве:

Курс английского языка для евреев — выходцев из Европы

Идиш — ничто!

Инглиш — все!

Не дай себе замолкнуть.

[*Бесэдер* № 334, 1997]

Обратим внимание на то, что идиш противопоставляется не ивриту, а английскому, иностранному языку высокого престижа, незнание которого поначалу тяжело сказалось на социальной мобильности иммигрантской группы.

В этом тексте снова звучит тема вынужденной «немоты», причем и эксплицитно, и имплицитно, так как пародируются рекламные ролики, в которых зрителей российских телеканалов призывали покупать прохладительные напитки жаргонной фразой: «Не дай себе засохнуть». Напомним, что жаргонное «засохнуть»

означает «замолчать», таким образом, фоновое знание усиливает эксплицитно выраженное в парафразе.

Большинство иммигрантов волны 1990-х приехали в Израиль отнюдь не по сионистским убеждениям, и иврит не имел для них символического значения, неотрывно связанного со становлением государства Израиль. Только немногие из приехавших исповедовали иудаизм, но, тем не менее, еще одним аргументом в пользу идиша стало то, что ультраортодоксальные евреи считают, что, язык Библии неуместен в ежедневном общении:

Святой язык

Когда-то до «*машибиров*» с «*aminaхом*»,
Иврит был славен мудростью ТАНАХа
Сегодня в век прогресса и науки,
Иврит все больше слышится на *шук*е...

[Григорий Альтер, 7—40, № 32, октябрь 2001]

Ивритские вкрапления в этом четверостишии связаны с торговлей: *машибир* — сеть универмагов, *Аминах* — фирма, выпускающая матрасы, а *шук* — рынок.

Несмотря на то, что многие иммигранты с удовольствием стали членами общества потребления, отношение к торговле у многих осталось отрицательным еще с советских времен, а слово *шук* приобрело негативный коннотативный компонент значения и часто используется как эпитет для выражения отрицательной оценки. Ирония состоит в том, что, противопоставляя «уместную» функцию иврита быть проводником мудрости «неуместной» — служить презренному занятию, автор не совсем удачно подобрал слова, так как *машибир* имеет и еще одно, по-видимому, неизвестное ему библейское значение, связанное в Танахе с раздачей еды голодным.

На первых порах после эмиграции вновь прибывшие подтрунивают над своими ошибками в иврите. Рассказы о курьезах из-за ошибок в иврите — одна из самых популярных разновидностей иммигрантских анекдотов о себе [37. Т. 2. С. 83—91].

Однако с годами, по мере того как усиливаются процессы утраты родного языка, юмор становится одним из внутригрупповых средств контроля над его сохранением. В газетах периодически появляются рубрики, в которых цитируются замеченные читателями языковые ошибки общественных деятелей и журналистов, переводчиков и рекламодателей, а также владельцев русских бизнесов. Вместе с ошибками читатели присылают и шуточные комментарии к ним, и пародии. Вот, например, как отозвалась одна читательница на опечатки в телепрограмме, в частности на неправильное написание слова «Афганистан»:

Что мне ваш Авганистан!
Я объездил много стран!
Даже в Аврике я был!
(Правда, русский там забыл...)

[Екатерина Левитан, 7—40, № 32, октябрь 2001]

Ведут контроль за языком и пользователи Интернета. Так, в популярном израильском блоге *rak-beisrael.livejournal.com* (Только в Израиле), созданном в 2005 г., собрана большая коллекция смешных и нелепых объявлений, как на русском языке, так и на иврите. Горе-переводчики сообщают о переносе «отсановки» трамвая, владельцы киоска включают в ассортимент товаров «сасиски», «алкаголь», «кофе и курасоны», а кофейня приглашает посетителей покурить кальян: “Here you can smoke water pipe”, «Здесь вы можете курить вода трубы».

Фотографии смешных ошибок в объявлениях приобрели большую популярность в Интернете с распространением мобильных телефонов, снабженных фотокамерами. Подборки абсурдных вывесок и объявлений встречаются на разных языках. Они не только хранятся на порталах и в блогах, но и рассылаются по электронной почте как вирусные сообщения. Как отмечает М. Эпт, обыгрывание типографских ошибок широко распространено в обществах с развитыми СМИ. Особенно удачными считаются те, которые приводят к семантическим сдвигам [З. С. 185]. Добавим к этому, что в эпоху глобализации и развития международного туризма неуклюжие переводы приобрели большую популярность, а их высмеивание свидетельствует о высоком престиже языка в обществе и о стремлении языкового коллектива сохранить его чистоту.

Несмотря на то, что в целом русскоязычные израильтяне, иммигранты 1990-х, демонстрируют установку на сохранение родного языка, противостоять процессам контаминации удается немногим, что, прежде всего, проявляется в неконтролируемом смешении языковых кодов. Им грешат не только те, кто овладели ивритом, но и те, кто не очень преуспели в изучении нового языка.

Несмотря на то, что русский остается языком общения в большинстве семей, родители часто сталкиваются с неспособностью, а часто и с нежеланием детей говорить по-русски. При отсутствии систематической и продуманной работы над языковыми навыками, а также самодисциплины в разделении языков в речи сохранить у детей русский как родной, а не «унаследованный», удается немногим. Приведем три примера, высмеивающих потерю языка и у детей, и у взрослых:

Вроде бы история из жизни. Мать с сыном прячутся от дождя под навесом.

Сын:

— Мама, надо было взять **митрия...** (иврит, «зонтик»)

Мать:

— Сколько учить тебя говорить на правильном русском? Надо было взять **митрию!**

[URL: http://yops.ucoz.ru/news/ob_ivrite_i_ne_tolko/2011-11-23-52.]

(В рубрике шуточных объявлений)

Нашетшему паткидыша на улице Герцын 23: Пажалуста научите маево сына рускаму езыку.

[*Бесэдер* 339, 1998]

Графически шуточные объявления в *Бесэдере* помещались на нарисованном заборе. Как и в стране исхода, иммигранты из бывшего СССР широко используют телеграфные столбы, стены домов, заборы и другие доступные поверхности для

того, чтобы поместить свои объявления с отрывными талончиками. Орфография, грамматика и стиль этих текстов часто настолько засорены ошибками, что только с большой натяжкой можно сказать, что они написаны по-русски. Причем, как и в приведенном выше «объявлении», авторы используют «фонетическое правописание», наглядно иллюстрируя, что при постепенной утрате языка навык письма уходит первым.

Крошка-сабр (8) к отцу пришел
И спросила кроха:
«Аба, ма зе харашо?
Ве ма зе, аба, плохо?»

Говорит ему отец:
«Понимаешь, Леха,
Очень, брат, нехорошо
Знать *русит камоха*».
[URL: <http://www.dknet.co.il>]

Как и в пародируемом стихотворении В. Маяковского, комический эффект парафраза превалирует над дидактическим. В оригинале он создается вторжением сниженной разговорной лексики в текст поучения, а в парафразе смешением языковых кодов не только у крохи-сабры (так называют родившихся в Израиле), но и у укоряющего его отца. Именно ивритское вкрапление «знать *русит камоха*» (знать русский как ты) является пуантой текста.

7. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Двуязычный юмор иммигрантов — свидетельство развивающегося билингвизма. Ивритские вкрапления в юмористических текстах — своеобразная иллюстрация актуальных тем и тенденций расширения словарного запаса членов иммигрантского сообщества.

Если поначалу большинство ивритских вкраплений было непосредственно связано с бытом и учебой, поиском работы и общением со служащими государственных учреждений, постепенно наряду с конкретной лексикой появляется абстрактная и оценочная, а к кругу актуальных тем добавляются политика и религия.

Как и всякая языковая игра, двуязычный юмор — это лингвистический эксперимент, в котором участвуют не только писатели и языковеды, но и рядовые носители языка, когда они играют с формами речи [30. С. 39—40]. О том, что в этот эксперимент включаются рядовые носители языка, говорит обилие двуязычных шуток на русско-израильских интернет-сайтах и в устной речи. Двуязычный юмор становится одним из приемов усвоения нового языка и познания реалий новой жизни. При этом сопоставляются не только языки, но и социальные и культурные институты страны исхода и принимающего общества.

Юмор меньшинств, к которым относятся и иммигранты, часто называется самоуничижительным, а потому часто критикуется приверженцами политкорректности. Однако когда сами мигранты смеются над своими ошибками и прома-

хами, это — показатель того, что они могут не только дистанцироваться от них, но и проанализировать их. Двухязычные игры вызывают особенно заразительный смех, когда объект смеха — твоя собственная группа. Смех над собственным незнанием — показатель трезвости взгляда и глубоко человечен [29. С. 16].

Двухязычная игра, ограничивающаяся безобидным жонглированием словами, не может надолго завладеть вниманием членов иммигрантской группы, если не несет дополнительных смыслов, не связана с актуальными для членов группы проблемами и не является средством социального контроля. Даже ограничившись рассмотрением двухязычного юмора, темой которого является сам язык, мы могли убедиться, что он полифункционален и направлен как на самоконтроль группы, так и на регуляцию отношений с принимающим обществом.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Вспомним лексические и синтаксические, а главное фонетические особенности русской речи в советских анекдотах о грузинах, евреях, украинцах, чукчах и др. меньшинствах (см. подробно [29. С. 47—63]). Речевые отклонения от нормы в устах этих обобщенных персонажей были настолько стереотипизированы, что даже никогда не встречавший представителей какой либо из этих групп носитель русского языка без труда узнавал их и отличал друг от друга.
- (2) В качестве примера можно привести ставшей классической шутку, пародировавшую плохое владение английским языком советских граждан, работающих за рубежом. Она до сих пор циркулирует в Интернете и встречается в устной речи:
Один прохожий в Лондоне спрашивает у другого:
— Excuse me, which watch?
— Six watch.
— Such much?
— Так что ж ты молчишь, что МГИМО закончил?
- (3) Одним из свидетельств этого являются компьютерные шутки в русско-израильском юморе. Они широко используют англицизмы профессионального жаргона российских программистов и англо-русские каламбуры.
- (4) Находим такие примеры у Крысина: «Это же утопия, гроб, если всех жильцов выселять», где «утопия осмысливается по ложной связи с глаголом „утопать“» [40. С. 97]. Черняк также приводит примеры толкования студентами педагогического колледжа лексических единиц, среди которых были «квинтэссенция — химическое вещество», «селей — мед», «бондарь — бандероли разносит» и т.д. [41. С. 326—327].
- (5) «*Beseder?* Для тех, кому еще смешно» — еженедельное юмористическое приложение к газете «Вести» под редакцией Марка Галесника было долгожителем русского израильского юмора. В нем печатались стихи, фельетоны, пародии и карикатуры израильских и российских юмористов. Всего вышло 1013 номеров. Лучшие тексты выпускались журналами-дайджестами. В 2011 г. приложение перестало существовать.
- (6) Подобная практика распространена в разных странах мира. Так, автор статьи, начиная учить английский язык, декламировала двухязычный стишок, в котором были такие запомнившиеся на всю жизнь строчки: «У обезьянки, а monkey. // Была подружка, а frog, лягушка...».
- (7) Термин «heritage language», в переводе «унаследованный язык», т.е. язык, переставший быть преобладающим, но не являющийся иностранным, не имеет пока устоявшегося определения. Иногда речь идет о языке, на котором представители языкового мень-

шинства общаются в семье, иногда о языке, на котором говорят или говорили предыдущие поколения (см. по этому поводу [42; 43].

- (8) Последняя буква в слове опущена, по-видимому, для соблюдения размера. *Сабра* — это плод кактуса, ставший метафорическим этнонимом для евреев, родившихся в Израиле. В основе метафорического переноса — свойства плода: колючего снаружи, но мягкого и нежного внутри.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Berry J.W.* 2013 Immigration, acculturation, and adaptation // E. Tartakovsky (ed.), *Immigration: Policies, challenges and impact*. New York: Nova Science Publishers. P. 195—211.
- [2] *Moyer M.G. and Rojo L.M.* (2007) Language, migration and citizenship: New challenges in the regulation of bilingualism // In M. Heller (ed.), *Bilingualism: A Social Approach*. London: Palgrave Macmillan. 2007. P. 137—160.
- [3] *Apte M.L.* *Humor and laughter: An anthropological approach*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press. 1985.
- [4] *Bell N.* Formulaic language, creativity, and language play in a second language // *Annual Review of Applied Linguistics*. 2012. № 32. P. 189—205.
- [5] *Davies C.E.* How English-learners joke with native speakers: An interactional sociolinguistic perspective on humor as collaborative discourse across cultures // *Journal of Pragmatics*. 2003. № 35. P. 1361—1385.
- [6] *Warner Ch.* It's just a game, right? Types of play in foreign language CMC // *Language Learning and Technology*. 2004. № 8(2). P. 69—87.
- [7] *Jacobson R.* Closing statement: Linguistics and poetics // In T.A. Sebeok (ed.), *Style in Language*. Cambridge, Mass.: MIT Press. 1960. P. 350—377.
- [8] *Cook G.* Language play, language learning // *ELT Journal*. 1997. № 51/3. P. 224—231.
- [9] *Ben A.D.* The “Myth” of Jewish humor // *Western Folklore*. 1973. № 32. P. 112—131.
- [10] *Davies C.* *Ethnic Humor around the World: A Comparative Analysis*. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1990.
- [11] *Yelenevskaya M.* “Ours abroad” As a theme of humor on Ru.net: Changing values, competing loyalties // *Russian Journal of Communication, Special Issue, The Russian Anekdot As Cultural Genre, Discourse and Performance*. 2009. № 2 (3/4). P. 267—287.
- [12] *Протассова Е.* Юмор в русскоязычной прессе Финляндии // *Диаспоры*. 2006. № 4. С. 53—70.
- [13] *Lefcourt H.M. and Martin R.A.* *Humor and life stress: Antidote to adversity*. New York, Berlin, Heidelberg, Tokyo: Springer-Verlag, 1986.
- [14] *Lefcourt H.M.* *Humor: The psychology of living buoyantly*. New York: Kluwer Academic, 2001.
- [15] *McGhee P.E.* Humor development: Toward a life span approach // In P.E. McGhee and J.H. Goldstein (eds.), *Handbook of humor research: Basic issues*. New York: Springer Verlag, 1983. P. 109—134.
- [16] *Attardo S.* *Linguistic theories of humor*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1994.
- [17] *Raskin V.* *Semantic Mechanisms of Humor*. Dordrecht: D. Reidel, 1985.
- [18] *Baraban E.A.* Reconciling smile: Humor in the detective series *Streets of Broken Lights* // In O. Mesropova and S. Graham (eds.), *Reinvented? Humor and Satire in Post-Soviet Russia*. Bloomington: Indiana, 2008. P. 145—158.
- [19] *Morreall J.* Enjoying incongruity // *Humor*. 2001. № 2/1. P. 1—18.
- [20] *Hay J.* The pragmatics of humor support // *Humor*. 2001. № 14/1. P. 55—81.
- [21] *Chapman A.J.* Humor and laughter in social interaction and some implications for humor research // In P.E. McGhee and J.H. Goldstein (eds.), *Handbook of humor research: Basic issues*. New York: Springer Verlag, 1983. P. 135—158.

- [22] Еленевская М. Юмор и насилие: смеховая культура иммигрантов из бывшего СССР в Израиле // Е.Э. Носенко (ред.) Израиль глазами «русских»: культура и идентичность. М.: Наталис, 2008. С. 35—59. URL: <http://madan.org.il/node/903>.
- [23] Aarne A. and Thompson S. The types of the folktale: A classification and bibliography. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1964.
- [24] Leeds Ch. Bilingual Anglo-French humor: An analysis of the potential for humor-based on the Interlocking of the two languages // Humor. 1992. № 5(1—2). P. 129—148.
- [25] Gruner Ch.R. The game of humor: A comprehensive theory of why we laugh. New Brunswick, USA and London: Transaction Publishers, 1997.
- [26] Haney P. Bilingual humor, verbal hygiene, and the gendered contradictions of cultural citizenship in early Mexican American comedy // Journal of Linguistic Anthropology. 2003. № 13(2). P. 163—188.
- [27] Davies C. Searching for jokes: Language, translation, and the cross-cultural comparison of humour // In T. Garfitt, E. McDonald, and J. Taylor (eds.). The anatomy of laughter. London: Legenda, 2005.
- [28] Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. Русский анекдот: Текст и речевой жанр. М.: Языки славянской культуры, 2003.
- [29] Sommer D. Bilingual aesthetics: A new sentimental education. Durham and London: Duke University Press, 2004.
- [30] Санников В. Русская языковая шутка. От Пушкина до наших дней. М.: Аграф, 2003.
- [31] Новиков В. Филологический роман: Старый новый жанр на исходе столетия // Новый мир. 1999. № 10. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1999/10/novik.html.
- [32] Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое. Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки русской культуры; М.: Языки славянской культуры, 2004.
- [33] Yelenevskaya M. Russian: From socialist realism to reality show // In J. Rosenhouse and R. Kowner (eds.) Globally speaking: Motives for adopting English vocabulary in other languages. Clevedon, U.K.: Multilingual Matters, 2008. P. 98—120.
- [34] Шапошников В. Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отображении. М.: МАЛП, 1998.
- [35] Spolsky B. and Shohami E. The languages of Israel. Policy, ideology and practice. Clevedon: Multilingual Matters, 1999.
- [36] Еленевская М.Н., Фиалкова Л.Л. Русская улица в еврейской стране. Исследование фольклора эмигрантов 1990-х в Израиле. В 2 т. М.: ИЭА РАН, 2005 (см. полный текст на URL: <http://old.iea.ras.ru/books/dostupno.html>).
- [37] Miles W.F.S. (1998) Linguistic cohabitation: Frenghish in the Mauritius press // Language problems and language planning. 1998. № 22 (3). P. 237—253.
- [38] Gladstein M.R. Bilingual wordplay: Variations on a theme by Hemingway and Steinbeck // The Hemingway Review. 2006. № 26(1). P. 81—95.
- [39] Еленевская М. Как быть чужаком: языковое поведение в иноязычной среде сквозь призму народной лингвистики // Studia Linguistica. Антропоцентрическая лингвистика: Проблемы и решения. 2012. № XXI. С. 143—152. URL: (<http://epil-herzen.com/wp-content/uploads/2012/07/studia21.pdf#page=143>).
- [40] Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М.: Наука, 1989.
- [41] Черняк В.Д. «Слова, которые мы не знаем», как примета речевого портрета современной языковой личности // В кн. И. Купина (ред.) Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург: Уральский государственный университет, 2000. С. 319—322.
- [42] Van Deussen-Scholl N. Toward a Definition of Heritage Language: Sociopolitical and Pedagogical Considerations // Journal of Language, Identity and Education. 2003. № 2(3). P. 211—230.

- [43] *Низник М.* Преподавание русского языка в Израиле: попытка разрушить стереотипы // В кн. М. Кенигштейн (ред.) *Русское лицо Израиля: черты социального портрета*. М.-Иерусалим: Мосты Культуры (Гешарим), 2007. С. 403—420.

IMMIGRANTS' BILINGUAL HUMOR: LANGUAGE PLAY AND SOCIAL ADAPTATION (the Case of Russian-Speaking Israelis)

Maria Yelenevskaya

Dept. of Humanities and Arts, Technion-Israel Institute of Technology
Technion, City Haifa, Israel, 32000

This essay explores immigrants' bilingual humor viewed as part of secondary language socialization. Adult acquisition of a new language involves reflections about languages and language play which juxtaposes and compares the mother tongue with the language of the receiving society. Acquiring a new language, émigrés do experiments with the form and create new meanings. In the early stages the bulk of bilingual humor is based on simplest interlingual puns exploiting minimal pairs, malapropisms and discovery of obscene words in foreign lexis. As immigrants' proficiency in the language of the host society increases, their humor becomes more sophisticated focusing on social criticism and in-group solidarity rather than on mere juggling of phonetically similar words. Texts analyzed in the article testify that the Russian language has preserved its symbolic value among new Israelis and they use bilingual humor as a warning against the first-language attrition.

Key words: bilingualism, humor, pun, language play, reflections about language, code-mixing.

REFERENCES

- [1] *Protassova E.* Yumor v russkoiazыchnoi presse Finlandii [Humor in the Russian-language press in Finland] // *Diasporas*. 2006. № 4. С. 53—70.
- [2] *Yelenevskaya M.* Yumor i nasilie: smekhovaia kul'tura byvbrantov iz stran byvshego SSSR v Izraile [Humor and Violence: Joke lore of the immigrants from the countries of the former Soviet Union in Israel] // E. Nosenko (ed.) *Israel through "Russian Eyes: Culture and Identity."* Moskva: Natalis, 2008. С. 35—59. URL: <http://madan.org.il/node/903>.
- [3] *Shmeleva E. And Shmelev A.* Russkii anekdot: Tekst i rechevoi zhanr [Russian Joke: Text and Speech Genre]. Moskva: Yazyki Slavianskoi Kul'tury, 2003.
- [4] *Sannikov V.* Russkaia iazykovaia shutka. Ot Pushkina do nashikh dnei [Russian language joke. From Pushkin to our times]. M.: Agraf, 2003.
- [5] *Novikov V.* Philologicheskii roman: staryi novyi zhanr na iskhode stoletia [Philological novel: An old new genre at the end of the century] // *Novyi Mir*. 1999. № 10. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1999/10/novik.html.
- [6] *Krysin L.P.* Russkoe slovo svoe i chuzhoie. Issledovania po Russkomu yazyku i sotiolingvistike [Russian word, the native and the borrowed. The study of contemporary Russian Language and Sociolinguistics.] M.: Iazyki Slavianskoi Kul'tury, 2004.
- [7] *Shaposhnikov V.* (1998) Russkaia rech 1990-kh. Sovremennaia Rossia v iazykovom Otobrazhenii [Russian Speech of the 1990s. Contemporary Russia as reflected in the language.] M.: MALP.

- [8] *Yelenevskaya M. and Fialkova L.* Russkaia ulitsa v evreiskoi strane. Issledovanie fol'klora emigrantov 1990-kh v Izraile [The Russian Street in the Jewish state. Investigation into the Folklore of Immigrants of the 1990s to Israel" in two volumes]. M.: Russian Academy of Sciences, 2005 (full text available at <http://old.iea.ras.ru/books/dostupno.html>).
- [9] *Yelenevskaya M.* Kak byt' chuzhakom: iazykovoe povedenie v inoiazыchnoi srede v svete narodnoi lingvistiki [How to be an Alien: Language Behavior in a Foreign Language Environment in the Light of Folk Linguistics] // *Studia Linguistica*, 21, St. Petersburg: Politehnika-Service: 143—152. URL: <http://epil-herzen.com/wp-content/uploads/2012/07/studia21.pdf#page=143>.
- [10] *Krysin L.P.* Sotsiolingvisticheskie aspekty izucheniya russkogo iazyka [Sociolinguistic Aspects of the Russian Language Studies.] M.: Nauka, 1989.
- [11] *Chernyak V.D.* "Slova, kotorye my ne znaem" kak primeta rechevogo portreta sovremennoi iazykovoi lichnosti ["The words we don't know", a feature of the speech portrait of our contemporary.] // In I. Kuprin (ed.) *Kul'turno-rechevaia situatsia v sovremennoi Rossii*. Yekaterinburg: Ural'skii Gosudarstvennyi Universitet, 2000. С. 319—322.
- [12] *Niznik M.* Prepodavanie russkogo iazyka v Izraile: popytka razrushit' stereotypy [Teaching Russian in Israel: An Attempt to Destroy Stereotypes.] // In M. Kenigshtein (ed.) *Russkoe litso Izrailia: Cherty sotsial'nogo portreta*. Moskva-Jerusalem: Mosty Kul'tury (Gesharim), 2007. С. 403—420.